

Бухуров Мухамед Фуадович

СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ СКАЗАНИЙ ЦИКЛА О ШАУЕЕ В АДЫГСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

До настоящего времени сюжетный репертуар цикла о нарте Шауе в адыгском фольклоре не становился предметом специального исследования. Учитывая данное обстоятельство, в статье автор, опираясь на обширный материал, отобранный в ходе подготовки к изданию многотомного антологического сборника "Нарты. Адыгский эпос", акцентирует свое внимание на выявлении и рассмотрении основных сюжетов и сюжетобразующих мотивов названного цикла. Определяется также характер взаимодействия между архаическими мотивами и мотивами более позднего происхождения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 10-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 398.22

До настоящего времени сюжетный репертуар цикла о нарте Шауе в адыгском фольклоре не становился предметом специального исследования. Учитывая данное обстоятельство, в статье автор, опираясь на обширный материал, отобранный в ходе подготовки к изданию многотомного антологического сборника «Нарты. Адыгский эпос», акцентирует свое внимание на выявлении и рассмотрении основных сюжетов и сюжетообразующих мотивов названного цикла. Определяется также характер взаимодействия между архаическими мотивами и мотивами более позднего происхождения.

Ключевые слова и фразы: сказание; цикл; Шауей; испытание; героическое сватовство; чудесное рождение.

Бухуров Мухамед Фуадович, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
mbf72@mail.ru

СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ СКАЗАНИЙ ЦИКЛА О ШАУЕЕ В АДЫГСКОМ НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Цикл о Шауе, как и сказания, посвященные другим нартским богатырям адыгского героического эпоса, характеризуется многообразием сюжетов и мотивов. В отличие от некоторых циклов, которые начинаются с сюжета о рождении героя (например, сказания о нарте Сосруко), здесь эпизоду о женитьбе отца Шауея Канжа отведен самостоятельный сюжет. В рассмотренных нами текстах выделяются два его варианта. Как говорится в первом из них, Канж отправляется на охоту, и ночью к нему подходит женщина-мезитль (лесной человек); Канж влюбляется в нее и женится; из-за внешности она получает прозвище *Нэрыбгей* («суровый человек») или *Лэлэгуджэ-гуацэ* («дикая, бессердечная») [5, с. 13-17]. Начало второго варианта соответствует сказочному сюжету, обозначенному в книге «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (далее СУС) под номером –327В** [6, с. 120]: Восемнадцать сыновей Дебеча ищут невест. Далее сюжет имеет специфическое развитие: братья находят семнадцать сестер; старший брат Канж остается без невесты, а младшие братья женятся. Он же отправляется на поиски невесты и в пути встречает великаншу (*иньж*); Канж женится на ее дочери [5, с. 17-23].

Далее следует сюжет о рождении Шауея, который основан на архаическом мотиве чудесного рождения героя, но здесь мотив своеобразно воплощен: Шауей рождается от брачной связи нарты Канжа с мифическим существом Иалагудже-гуаше (по другому варианту – с дочерью иньжа). При этом момент рождения героя в сказаниях представлен оригинально: каждый год жена Канжа (по другому варианту – Куаго) рождает, и как только родит, тут же поедает (душит) своего ребенка. Сатаней-гуаша (или бабка-повитуха) заставляет ее подняться на верхушку очажной трубы и родить внутрь трубы, а сама становится под дымоходом, чтобы поймать младенца. Когда ребенок падает в дымоход, Сатаней подставляет свой подол, и он ловит его. Она оставляет посреди очага щенка вместо младенца, а сама убегает с ребенком. Иалагудже-гуаше (или иньжевская женщина) бегом спускается с дымохода и хватается за щенка, чтобы съесть его [Там же, с. 23-24, 24-27, 27-29, 39-43].

В данном случае в образе матери Шауея обнаруживаются некоторые черты персонажа древнегреческой мифологии Кроноса. Гея (мать Кроноса) предсказывает Кроносу, что его собственный сын лишит его власти, поэтому каждый раз, когда у него рождается ребенок, Кронос пожирает младенца. Жена обманывает его, подложив ему вместо младенца камень. Кронос проглатывает камень, а ребенка уносят в пещеру и там его воспитывают [2, с. 18]. Но в отличие от этой, в сказаниях о Шауе о смене власти речи не идет. Скорее всего, такой поступок матери связан с мотивом испытания героя. Так, в варианте, записанном в 1959 году со слов Ачегу Ибрагима (1875 г/р.), все дети Нарыбгей после рождения боятся огня, поэтому мать съедает их, а Шауей не горит в огне, т.е. он проходит своего рода испытание, поэтому она оставляет его в живых и говорит: *«Мис ар хьунуц нарт. Къафитэ!»* – *«Вот из него выйдет <настоящий> нарт. Возьмите <его>!»* [5, с. 29].

Следует обратить внимание и на связь рождения Шауея с огнем (очагом). Если исходить из материала, то становится ясным, что этот мотив «старше» самого цикла, и встречается он, например, в образе Сосруко, который в типологическом плане древнее, чем образ Шауея. Так, согласно варианту сказания о Сосруко, записанному Н. А. Цаговым, кузнец Тлепш раскалывает камень, и оттуда вываливается младенец, пылающий подобно горящему углю. Он, как и Шауей, падает на подол Сатаней, выжигает подол и падает на землю [4, с. 182]. Но если рождение Шауея, как и Сосруко, связано с огнем, то в основе многих других циклообразующих сюжетов рассматриваемых сказаний лежит мотив испытания героя холодом. Таковым является, например, сюжет о богатырском детстве Шауея, который в свою очередь осложнен мотивом удаления младенца. По наиболее распространенному варианту, после рождения героя, Канж (Сатаней), чтобы спрятать младенца от Нарыбгей, уносит его в горы и там воспитывает. Ребенок, будущий богатырь, спит в ледяной люльке [5, с. 24-27, 27-29, 32-35].

а вместо материнского молока пьет горную талую воду [Там же, с. 32-35]. По другой версии, воспитательница (бабка-повитуха) Шауея, испугавшись гнева Нарыбгей, кладет младенца в ящик и бросает в реку, чтобы скрыть ребенка от суровой матери. Нартская женщина находит и воспитывает его [Там же, с. 39-43]. Этот сюжет получил широкое распространение и в других жанрах адыгского фольклора, но первая версия встречается только в сказаниях о Шауее.

В некоторых рассмотренных нами текстах сюжет о богатырском детстве встречается в связи с мотивом выбора коня, который имеет две формы объективации. Согласно первой версии, Шауей выбирает из целого табуна невзрачного жеребенка, из которого в дальнейшем вырастает богатырский конь – Гемидеж [Там же, с. 24-27, 32-35]. По другому варианту, после различных испытаний, даритель дарит герою коня и оружие: Шауей поднимает лежащий у входа в пещеру огромный камень *абрэмывэ*, выводит отцовского богатырского коня из пещеры и укрощает его [Там же, с. 39-43].

Как видно, в сюжетах о рождении Шауея и о его богатырском детстве основным стержнем проходит мотив испытания героя. С этим связан и мотив наречения будущего богатыря именем. По некоторым вариантам, герой получает имя Шауей сразу после рождения: Нарыбгей (мать) видит, как только что родившийся ребенок играет пылающими угольками, и, таким образом узнав о его необычности, нарекает его именем *Шауей*, что в переводе с адыгского языка означает *грозный юноша* [Там же, с. 23-24]. По другим вариантам, как уже было сказано, героя воспитывают втайне от матери. Однако, спустя некоторое время, его возвращают Нарыбгей. Но и в этом случае она испытывает своего сына: суровая мать вступает с ним в единоборство (по некоторым вариантам, мать, увидев сына, бежит ему навстречу, намереваясь сожрать его), и, убедившись в его силе, дает ему имя Шауей [Там же, с. 32-35].

Мотив испытания героя прослеживается и в других сюжетах названного цикла. Наиболее популярным является сюжет, в котором говорится о том, как нарты испытывают Шауея холодом: он отправляется в *зеко* (поход) и в пути встречает нартов Озырмеса и Озырмеджа (в вариантах: Сосруко, Насрен, Тотреш, Бишажей и т.п.); спутники решают испытывать незнакомого всадника (по некоторым вариантам, Шауей выглядит убогим, поэтому нарты не хотят брать его с собой на пир) и оставляют его на развилке дорог (на вершине какого-то холма и т.п.); Озырмедж (или другой нарт) наводит на него холод на восемь дней и ночей; Шауей выживает [Там же, с. 29-32, 39-43, 55-59]. Данный сюжет занимает одно из ведущих положений в рассматриваемом цикле. Обычно он осложнен мотивом испытания героя криком. Озырмедж и Озырмес (или другие нарты) обладают магической способностью: Озырмедж получал все то, о чем просил он у Тха (благодаря таким способностям, он наводит на Шауея суровые морозы, о чем уже было сказано выше), а того, на кого кричал Озырмес, постигала смерть. Во многих сказаниях Озырмес (или другой нарт) кричит на Шауея, но тот выдерживает это испытание [Там же, с. 39-43, 76-89]. Для этого сюжета характерным является и мотив добывания чудесных коней: Озырмес и Озырмедж несколько раз пытаются пригнать девять пегих лошадей, но им это никак не удается. Шауей направляется к месту, куда лошади, среди которых был маленький трехногий жеребец (по другим вариантам – головной жеребец), приходили на водопой, и пригоняет их [Там же, с. 36-39, 39-43, 55-59].

Сюжет об испытании героя холодом обычно контаминируется с сюжетом о сватовстве Шауея: испытываю его вышеуказанными способами и убедившись в его силе, братья-нарты предлагают ему руку сестры. Шауей дарит им головного жеребца в качестве калыма. Однажды Шауей отправляется к братьям, но их не оказалось дома. По обычаю, его приглашают в *хачеш* (дом, предназначенный для гостей). Спустя некоторое время в хачеш заходит девушка – сестра братьев-нартов. Как оказалось, она от волнения забыла при обувании постелить одну стельку (по другой версии, обе стельки положила в одну обувь). По другому варианту, Шауей выглядит убогим, поэтому ему не оказывают достойного уважения. Шауей, заметив это, берет *шичешину* (струнный смычковый музыкальный инструмент у адыгов) и сочиняет куплеты о недостатках девушки, и та, услышав это, исправляет свои ошибки [Там же, с. 55-59, 76-86, 86-89, 89-92].

Контаминация сюжетов о долгом пребывании героя в холоде и о его сватовстве является самой стабильной и распространенной в цикле о Шауее. Но здесь следует обратить внимание на то, что, в отличие от других циклов нартского эпоса, в мотиве о сватовстве отсутствуют героические деяния Шауея, и в большинстве случаев он приобретает форму бытового характера. Кроме того, в нем также обнаруживается связь с более поздним жанром адыгской народной смеховой поэзии *кебжецем*, который сочинялся в молодежной среде и исполнялся на праздничных посиделках. Однако в цикле об этом герое встречаются и сюжеты, где в мотиве сватовства воплощены подвиги Шауея. Но они в основном типичны для богатырских сказок. Таковым является, например, сказание «Къанж и къуэ Шауейрэ ШхъэцфИщлэ дахэмрэ» – «Сын Канжа Шауей и красавица Шхацфица» [Там же, с. 112-118], которое основано на сказочном сюжете, соответствующем номеру 516 [8, р. 183] по международному указателю сказочных сюжетов Аарне-Томпсона (далее АТ): Шауей отправляется на поиски Шхацфицы; в пути он встречает табунщиков, которые дают ему различные советы о том, как победить ее; девушка испытывает своих женихов, задавая им «трудную задачу»: чтобы добиться ее руки, женихи должны переправиться через глубокую трясину; условие Шхацфицы выполняет только Шауей (ср. СУС 516: «Верный слуга» [6, с. 147-148]).

В сказании о Шауее данный сюжет осложнен мотивом борьбы героя с орлом-похитителем: орел уносит Шхацфицу; герой убивает орла и освобождает ее. Как показывает анализ материала, данный мотив не получил широкого развития в героическом эпосе. Он встречается также в одном из сказаний о Сосруко [4, с. 208-213], однако оно имеет чисто сказочную поэтику, поэтому по формальным признакам его можно отнести к волшебным сказкам на сюжет АТ513А [8, р. 181] (ср. СУС 513А: «Шесть чудесных товарищей: помощники (Объедало, Опивало, Мороз и др.) помогают герою жениться, выполняя трудные задачи царевны или ее отца» [6, с. 147]).

Значительное место в цикле занимают также сюжеты, которые являются универсальными для многих жанров адыгского фольклора. Таковы сюжеты, соответствие которых обнаруживается в турецком сказочном указателе Эберхарта-Боратава (далее Еб-Во) под номерами Еб-Во 204 [7, S. 238-240]: «Герой угоняет табун, головной жеребец убегает и возвращается с хозяином табуна. Герой вступает с ним в поединок и побеждает (нередко поединок повторяется трижды – после смерти хозяина табуна в битву вступают его братья)» [1, с. 36]; Еб-Во 215-III, 3 [7, S. 260-261]: «Герой нарушает запрет – освобождает прикованного великана, тот похищает его жену и скрывается. Герой настигает его, побеждает в единоборстве и возвращает жену» [1, с. 36]; Еб-Во 279-III, 4-6 [7, S. 328]: «Женщина, переодевшись в мужскую одежду, мстит с помощью незнакомца за смерть своего мужа или братьев, становится женой героя» [1, с. 36-37]. Однако способ реализации этих сюжетов в цикле о Шауе имеет свои особенности. В первую очередь это проявляется переплетением архаических мотивов с мотивами более позднего происхождения. Например, в сказании «Нарт Къэрэшыуей фыз къызэришам и хъыбар» – «Сказание о том, как женился нарт Карашуей» [3, с. 159-163] мотивы испытания, кровной мести, борьбы с мифологическими персонажами встречаются в связи с мотивом гостеприимства, который по происхождению можно отнести к более позднему периоду, а в самом образе Карашауея (Шауея), хотя в нем обнаруживаются некоторые черты героя «старших» циклов, доминирующими являются признаки наездника раннефеодальной эпохи.

Как говорится в сказании, к Шауею приходит гость. Герой принимает его и оказывает уважение, следуя принципам *адыгэ хабзэ* (адыгский этикет). Гость, который впоследствии оказывается девушкой-богатыршей, выполняющей функцию кровомстителя и одновременно ищущей жениха, сильнее себя, испытывает героя обильной пищей: целый год каждую ночь они должны съесть без остатка по одному барану и по одному *лагу* (медный котел) *пасты* (крутая пшеничная каша); каждую ночь их кони должны съесть по стогу сена и по мешку высококачественного корма. Испытав героя таким образом, гость берет его с собой, и оба отправляются к иныжам, чтобы отомстить за кровь отца (братьев) девушки-богатырши. Достигнув края иныжей, они угоняют их табун лошадей, наносят рану головному жеребцу и отпускают его к хозяину, таким способом вызывая его на открытый поединок. Девушка-богатырша сражается с иныжами и при помощи Шауея побеждает их, и после того, как она убедилась в силе и смелости Шауея, выходит замуж за него.

Как видно, здесь соединены сюжеты Еб-Во 279-III, 4-6 и Еб-Во 204, которые основаны на мотивах брачного испытания, героического сватовства, кровной мести, борьбы с мифологическими персонажами. В такой контаминации они встречаются во всех вариантах данного сказания. Однако в других сказаниях, например, в разных версиях сказания «Нарт Шъэуае икълэлгъум къехъулэгъэ къэбар» – «Сказание о том, что приключилось с нартом Шауаеом в молодости» [5, с. 59-65] сюжет Еб-Во 279-III, 4-6 может быть выражен в другой форме. Нарты отправляются на охоту (в поход). Проехав какое-то расстояние, они в камышовых зарослях видят огромные лошадиные следы. Нарты, испугавшись, отказываются заходить в заросли, Шауей пускается в путь по следу и достигает огромного дома, в котором жила девушка необыкновенной красоты. Она направляет его к дому своих родителей. Как можно заметить, в данном случае, в отличие от указанной выше девушки-богатырши, здесь функция девушки не так значительна – она лишь указывает дорогу к своему отцу, который выступает в роли кровомстителя. Отец девушки обладает огромной силой, но он в одиночку не может победить своих кровников-иныжей, поэтому, испытав Шауея (испытание огромным следом – Шауей, не побоявшись огромных следов коня, заходит в заросли), он обращается за помощью к нему. Далее следует сюжет Еб-Во 204, но и здесь, в отличие от вышеназванного сказания, в мотиве кровной мести обнаруживается другой мотив – возвращения похищенной иныжами жены могучего нарта. В финале сказания Шауей женится на его дочери.

Что касается сюжета Еб-Во 215-III, 3, то здесь следует заметить, что он используется циклом в несколько деформированной форме. В отличие от сказки, в сказании о Шауе запрет нарушает не центральный герой, а братья-нарты, и в роли иныжа здесь выступает грозная мать Шауея: братья-нарты освобождают прикованную железными цепями грозную старуху, та выпивает три бочки *махсымы* (крепкий хмельной напиток), потом калечит братьев. Шауей возвращается с похода, спасает братьев, а свою мать снова приковывает [Там же, с. 36-39]. В данном сюжете в образе матери Шауея отчетливо проявляются черты сурового мифического персонажа, и это свидетельствует о ее происхождении из рода *иныжей* или *мезытлей*.

В цикле не менее популярным является и сюжет, в котором говорится об участии Шауея в нартских скачках. Нарты собираются устроить скачки. Шауей отправляется туда на своем коне Гемидеж. По совету коня, для него изготавливают три железные подпруги (Гемидеж качет (летит) слишком быстро, поэтому кожаные подпруги не выдерживают). Шауей одерживает победу [3, с. 154-158, 163-164]. Сюжет распространен в богатырских и волшебных сказках адыгов и входит в различные сказочные сюжеты как эпизод (ср.: АТ304 [8, p. 97-98], АТ516 [Ibidem, p. 183], АТ530 [Ibidem, p. 188-189] и др.).

К перечисленным сюжетным типам примыкают тексты, в которых отражены различные мифологические представления адыгов, но они немногочисленны. Так, по рассказу Тлостанбека Бадзева (1900 г.р.), Шауей ходил по облаку, и от следа его коня образовался продольный слой облака, который называется «Путь всадника» или «Путь Карашауея» (запись хранится в личном архиве А. М. Гугова).

Заслуживает внимания и сказание «Шауей цақлуэ тхъэмэдэ зэрхъуар» – «Как Шауей стал тхамадой (предводителем) охоты» [5, с. 98-101]. Сюжет сказания больше всего известен по циклу о Татаршауе, сыне Паго, и основан он на мотиве гибели нартов: нартов постигает голод; они решают убить и съесть Белоногого Могучего кабана, обитавшего в краю нартов; добыть кабана поручают нарту Шужею; Шужей убивает кабана и на обратном пути встречает Татаршао, сына Паго – представителя обычных людей; Шужей, по обычаю, отдает ему часть добычи, а оставшуюся часть приносит нартам; спустя некоторое время нарты погибают от голода, а на их месте появляются обычные люди. Сказание о Шауе отличается от этого тем, что нарт Шужей

является предводителем охоты, и по его указанию за добычей отправляется Шауей. После того, как он выполнил поручение Шужея (он выдерживает своего рода испытание), его назначают предводителем охоты.

Итак, как показывает анализ материала, цикл сказаний о Шауее, как и другие циклы нартского эпоса, состоит из сюжетов, повествующих об основных этапах жизни этого богатыря. Таковы сюжеты о женитьбе Канжа, отца Шауея, о рождении и богатырском детстве Шауея, о его героических деяниях, о сватовстве и женитьбе героя и др. В отличие от многих циклов, где сюжет о гибели того или иного героя занимает значительное место, в рассмотренных сказаниях о смерти Шауея не упоминается, и этим самым сказания данного цикла сближаются с богатырской сказкой, которая всегда имеет счастливую концовку. Однако, в отличие от сказки, эти сказания образуют, как это характерно для нартского эпоса, отдельный цикл, что еще раз подтверждает его промежуточное положение между героическим эпосом и богатырской сказкой адыгов.

Список литературы

1. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. 720 с.
3. Нарты. Адыгский героический эпос / отв. ред. В. М. Гацак. М.: Главная редакция восточной литературы, 1974. 416 с.
4. Нарты. Адыгский эпос / сост. и пер.: М. Ф. Бухуров, А. М. Гутов, З. М. Налоев, М. А. Табишев. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко. 424 с.
5. Нарты. Адыгский эпос / сост. А. М. Гадагатль. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. 5. 336 с.
6. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 438 с.
7. Eberhard W., Boratav P. N. Typen Türkischer Volksmaerchen. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH, 1953. 506 S.
8. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography of Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged by S. Thompson. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

SUBJECT COMPOSITION OF LEGENDS OF THE CYCLE ABOUT SHAUEI IN THE ADYGHE NART SAGAS

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches
mbf72@mail.ru

Until present the subject repertoire of the cycle about the Nart Shauai in Adyghe folklore hasn't been an object of a special study. Taking into consideration this fact, the author of the article, basing on vast material, selected in the course of the preparation of the multi-volume edition of the anthological collection "The Narts. The Adyghe Sagas" for publication, focuses on the identification and examination of the major themes and plot-forming motives of the mentioned cycle. The paper also determines the nature of interaction between archaic motives and the motives of more recent origin.

Key words and phrases: legend; cycle; Shauai; ordeal; heroic matchmaking; miraculous birth.

УДК 82

Статья содержит обобщения относительно эпосов о героях-богоборцах. Среди них наиболее широкий резонанс получили сказания об Абрскиле, Амирани и Прометее. Национальным героем Абхазии является Абрскил, который прославился не только как непобедимый богатырь, защитник своего народа, но и стал благодетелем мирной жизни. Образу Абрскила близок Амирани, герой грузинской мифологии, ради благополучия людей ведущий битвы с чудовищами, обучивший смертных добыванию огня и обработке металла. Оба они вступают в единоборство с небожителями, за что те жестоко наказывают их, заковав в цепи в пещерах Кавказа. Осмысление мифов о закавказских страстотерпцах позволяет констатировать множество параллелей с общеизвестной легендой о Прометее, которая приобрела мировую известность, став исторком одной из «вечных тем» искусства. Культуросоздающие подвиги трёх бунтарей воспринимаются как олицетворение пытливой человеческой мысли.

Ключевые слова и фразы: сказания о героях-богоборцах; богоборчество; культуросоздающие подвиги; олицетворение пытливой человеческой мысли.

Демченко Александр Иванович, д. искусствоведения
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

ГЕРОИ-БОГОБОРЦЫ

К временам Античности у некоторых народов Закавказья и в Греции сложились эпосы о героях-богоборцах. Среди них наиболее широкий резонанс получили сказания об Абрскиле, Амирани и Прометее. Они имеют общие корни и можно предположить, что корни эти восходят к мифам и сказкам шумеров и даже, возможно,